

О ЯЗЫКАХ

Мы мыслим все на разных языках,
А стало быть, и пишем, и читаем.
Сложилось это глубоко в веках,
И почему так, точно мы не знаем.
Семь тысяч языков! Нам с ними жить
На нашей голубой планете-крохе.
И мы о них не станем говорить:
Что те прекрасны, а вот эти плохи.
Ведь каждому нам дорог свой язык,
Что с материнским молоком впитали.
Он свят для нас и чист, как Божий лик.
Откажемся мы от него едва ли.

Прекрасно было б знать не только свой,
Ещё б другие, лучше б — все на свете.
Ведь мы живём одной большой семьёй,
В едином доме, на одной планете.
Способности людские велики:
Мы, языка родного не теряя,
Знать можем и другие языки.
Язык всемирный, я вас уверяю,
Появится — могуч, игрист и лих.
На нём общаться будем все когда-то,
Но не теряя языков родных,
А укрепляя и храня их свято.

ПИСАТЕЛЮ-РОМАНИСТУ

Прижав пером к бумаге слог,
Мысль ухватив за хвост и гриву,
Ты смело вышел за порог,
Шагнув в небытие игриво.

Какой-то, чей-то будний день
Ты вывернул как наизнанку.
И дня того густую тень
Ломаешь будто бы буханку.

Ты делаешь, играя, то,
Что не подвластно даже магу.
И чья-то жизнь в чужом пальго
Уже ложится на бумагу.

В судьбе кого-то в этот миг
Ты ставишь праведную точку.
Тебе уж ясен её лик.
И буквы устремились в строчку.

Вот-вот ты выплеснешь роман.
Тому есть точная примета:
Мир чуть шатнётся, будто пьян.
Но только ты заметишь это.

КОВАРСТВО

Встреча с бывшей одноклассницей Настей была неожиданна для Петра, он давно уже выехал из района, где жил раньше, и вот уже более двадцати лет ни с кем из своих знакомых из детства и юношества не встречался. Родители Петра оставались жить всё в том же районе, но Пётр редко навещал их в квартире, чаще они встречались на даче, а когда и навещал, то подъезжал на своей машине прямо к подъезду дома. На этот раз он остановился у цветочного магазина, чтоб купить матери цветы. Настю он не узнал, обратился к ней как к незнакомому человеку распространённым в России обращением «Девушка», но Настя сразу узнала бывшего одноклассника.

— Петя! — радостно воскликнула она. — Сколько лет, сколько зим! Не узнаёшь что ли?

Пётр действительно не узнавал «девушку», он лихорадочно вспоминал, кто бы это могла быть. Настя не заставила его долго мучиться.

— Да я это, Настя Круглова. Мы в одном классе учились.

— Настя? — с наигранной радостью в голосе, всё ещё не понимая, о ком идёт речь, громко переспросил Пётр. Дальнейшие слова Насти помогли ему вспомнить её.

— Да. Я к вам в пятом классе поступила. Мы ещё с тобой как-то класс вместе убирали.

Девочку, поступившую к ним в пятом классе, Пётр вспомнил, а вот про уборку класса нет.

— Настя, рад тебя видеть! Ты очень изменилась. Похорошела, — с еле уловимыми нотками смущения сказал Пётр, прикрывая словом «похорошела» свою мысль «повзрослела». Настя казалась ему старше, чем он сам.

— Ты чего совсем пропал-то? Мы каждый год собираемся, а как тебя найти не знаем. Федька Рыжов говорил, что ты где-то за границей будто живёшь...

— Жил. Три года. Там отделение своей фирмы открывал, ну, а потом вернулся.

— Да?! И где же ты жил? А у тебя что, свой бизнес? Ну, ты, Петя, даёшь!

Формируя букет, Настя рассказала о некоторых их бывших одноклассниках. Первой она назвала Марину, девушку, с которой у Петра был школьный роман, потом рассказала о Тоне — бывшей отличнице, потом ещё о двоих. О себе сообщила, что замужем за их одноклассником Сергеем Коноваловым. Сергея Пётр помнил хорошо, вместе

они ходили на секцию карате. Продав Петру букет, Настя была готова ещё пообщаться с ним, но он был ограничен во времени: на вторую половину дня у него была намечена важная встреча, а надо было ещё захватить, поздравить мать с днём рождения. Светлые воспоминания накатили на Петра, ему и самому хотелось ещё поговорить с Настей, но время поджимало, а потому Пётр извинился и предложил:

— Давайте встретимся сегодня все вместе с Серёгой, посидим где-нибудь, пообщаемся.

— Здорово! — обрадовалась Настя, но тут же сникла и добавила, — Петь, сегодня не получится. У нас с деньгами напряг, мы сына хотим в спортивный лагерь направить, так оно хоть и бесплатно, а знаешь, сколько всего надо: и кроссовки купи, и футболки купи...

Пётр прервал Настю:

— Настюх, ты что, да я же приглашаю!

Лицо Насти снова осветилось радостью.

— Давайте посидим в «Витязе». Тут рядом, пешком можно дойти.

— Настя, не парься, я заеду за вами сегодня в девятнадцать тридцать. Встретимся около школы. Идёт?

— Идёт! — радостно согласилась Настя.

Пётр простился и направился к выходу. Уже у самой двери он услышал оклик Насти:

— Петь, а можно я и Маринку приглашу?

Обдумывать ответ не было времени, да и не хотелось, потому, обернувшись, Пётр просто ответил:

— Можно!

Вечером в назначенное время Пётр подъехал к школе, где когда-то учился. У входа во двор школы его уже поджидали. Сергей кинулся навстречу Петру и, не дав возможности ему поздороваться с женщинами, радостно обнял его. Это был уже не тот Сергей — миловидный крепыш с красивой фигурой, каким когда-то знал его Пётр. Это был тучный мужчина с пивным брюшком и с наметившейся на голове плешью. Марина тоже была другой, это была уже не девочка с густой чёлкой и нежными ушками, а привлекательная элегантно одетая стройная женщина, но по-прежнему с густой чёлкой. Настя сейчас тоже выглядела весьма интересно.

Посиделки в ресторане в центре города всем четверым понравились: пили хорошее вино, ели, вспоминали прошлое. Предложение поехать к Петру поступило от Марины:

— А давайте съездим к тебе, Пётр. Посмотрим, как живут новые русские. Ты не возражаешь?

— Да ладно, Марин, какой я тебе «новый русский», — возразил Пётр, в душе всё же отчего-то радуясь такому определению и такому предложению. Он понимал, что он один из их класса сумел выбраться на Рублёвку, все остальные, как он понял из рассказов бывших одноклассников, оставались на уровне проживания своих родителей. «А что, Аллочка дома нет, покажу я этим ... своим друзьям, как надо жить». Особенно в эту минуту Петру хотелось показать свою нынешнюю жизнь Марине, променявшей его когда-то на музыканта из вокально-инструментальной группы, одной из многочисленного ряда групп, нарождающихся в ту пору как грибы.

Охранная зона, чисто скошенные газоны, цветники, аллеи, сам дом Петра, обстановка в доме, примкнувший гараж, всё поразило его бывших одноклассников. Больше всех восторгалась Настя. Переходя из комнаты в комнату она восклицала «Ну, ты, Петька, даёшь!», «Боже, какая красотище, обалдеть!», «Господи, сколько же стоит такой гарнитур? Да это же целое состояние?», «Ой, всю жизнь мечтала посидеть у камина!», «А это на фотографии ты с женой? Она у тебя просто красавица!» и тому подобное. Сергей тоже время от времени кидал какие-то фразы типа «Ну, ты, братан, даёшь! Сколько же ты зарабатываешь?», «Ничего себе зальчик. Ты прямо тут занимаешься?» Марина ходила со всеми молча и натянуто улыбалась. Реакция всех троих придавала Петру энергии, вот сейчас-то уж он точно понимал, что не зря, рискуя в любой момент быть скинутым с освоенной социальной платформы, так много работает. В закрепление впечатления гостей Пётр достал дорогое шампанское, заготовленное им к приближающемуся дню рождения Аллочки, и фрукты.

Во время фуршета Марина отлучилась в туалетную комнату. Там она быстро сняла с себя лёгкие трусы-полосочки и стала искать место, куда бы их припрятать. Наиболее подходящим местом ей показались ящички под раковиной мойки. Открыв первый, она увидела в нём крема для мужчин, не годится. Второй подошёл: в нём лежали ножницы, пилочки и баночки с женскими косметическими средствами. Марина сунула свои трусики в этот ящичек и спокойно устроилась на унитазе. Мысленно она вырисовывала сцену, как Алла обнаружит эти трусики и устроит Петру разгон. Когда Марина намеревалась вернуться к друзьям, она вдруг вспомнила о двух халатах, висящих в ванной комнате у двери. Быстро вынув трусы из ящика, Марина прошмыгнула в ванную комнату и там ловким движением сунула их в карман розового махрового халата. Сделав движение к двери, она

остановила себя, вырвала из головы своей волос и аккуратно положила его на плечо халата с невидимой стороны. «Вот так, — радовалась гостя, — когда-нибудь его Аллочка обнаружит это».

РАЗДАВЛЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Митя был поражён! Его маму нёс к кровати на своих мощных волосатых руках чужой человек. На маме был полураспахнут её любимый шёлковый халат и, кажется, больше ничего! У незнакомца был голый торс, а в чём он был снизу, не известно: свисающая пола длинного халата мамы прикрывала его снизу. Оба, и мама и чужой, были веселы, мама даже с журчащим смехом красиво откинула голову назад, обнажая белую шею. При этом волосы её свисали и колыхались при каждом его шаге. Шагов было немного, всего четыре, спальная родителей была небольшая, а потому кровать, занимавшая большую её часть, была близко к двери. Близко и к окну, близко и к шкафу, в котором прятался Митя. Чужой тоже был весел. Он не смеялся, он гыкал, но гыкал весело и дважды ткнулся лицом в грудь мамы. «Они играют» — подумал Митя, и ему захотелось выскочить из укрытия, куда он влез тоже ради игры, он хотел удивить и обрадовать маму, она же не знает, что вернулся папа из командировки и забрал его из сада. Митя, сияя радостной улыбкой, уже собрался выскочить из шкафа, с запланированными словами «А вот и я!», но не успел это сделать. Его опередил папа, ворвавшийся в спальню с некрасивым словом «Сука». Слово это Митя знал, знал, что оно означает женскую особь собак, знал, что мужская особь собак называется кобель, но сейчас из уст папы это слово звучало в другом назначении: папа этим словом обозвал маму или чужого, этого Митя не понял, но понял, что оба, и мама, и чужой, в эту минуту были ненавистны папе.

Из шкафа Митя вылез, дождавшись, когда из родительской спальни все ушли. Праздник, который минут десять назад радостно расцветал в его душе, исчез. Праздник не померк, не угас, праздник был раздавлен.